

Только пару часов назад они наблюдали восход солнца из беседки с вершины Шемякиной горы, что огромным монолитным сооружением природы нависает над Галичем. К беседке ведёт длинная деревянная лестница, словно змея, обвившая покрытый кустарником и деревьями склон, выходящий на город и озеро. Всю эту «змею» пришлось преодолеть, шаг за шагом, ступенька за ступенькой. Подъёму там было несколько десятков метров, и Василий с его женой Ириной и их сын Антон, для того чтобы добраться до беседки, затратили немало сил и энергии. Всю дорогу они проверяли на прочность уже изрядно износившиеся настиленные доски и перешагивали места провалов, где доски проверку более ранними восхождениями не выдержали. Тем временем солнце, словно какое-то доисторическое животное, огромным пылающим шаром нехотя выползло из-за линии горизонта пасть на широкое синее поле, освещая своими первыми лучами и город, и Шемякину гору, и озеро в её подоле. Вода в озере под этими самыми робкими лучами превращалась в тысячи бриллиантовых крупинок, весело переливающихся и играющих бликами, метившими туристам прямёхонько в глаза.

Чуть позже, уже возвращаясь к гостинице начинающими оживать улочками Галича, огибающими старинные церкви, монастырь, торговые ряды, они проходили мимо

булочной, или, как говорят в Санкт-Петербурге, «булошной», и в ноздри ударил душистый, слегка сладковатый запах выпекаемого хлеба. Нахлынули воспоминания...

...Зима. Лента очереди вьётся от прилавка, находящегося в крохотном, крепко протопленном помещении с зелёными стенами, на улицу — на ступеньки и даже на асфальтированную дорожку, покрытую слоем прочного льда, слегка припорошённого снегом. Над периодически открывающейся и тут же, под крики продавщицы: «Прикройте дверь! Холодно!» — закрывающейся дверью висит вывеска. Буквы, как в мозаике, жёлтыми кирпичиками складываются в короткое слово: «Хлеб». Это торговый зал щербинской булочной, где основным ходовым товаром служат длинные французские булки. Люди их берут по пять-шесть штук за раз, усердно пытаясь уместить в объёмные целлофановые пакеты. Мягкий, ещё тёплый, а иногда и горячий хлеб дышит сладостью, заставляет наполняться рот слюной в предвкушении аппетитного перекуса. Рука сжимает отломленный кусок, и вместе с ослаблением усилия кусок медленно, будто ожидая нового нажима, восстанавливает прежнюю начальную форму...

...В гостинице перед отъездом завтрак — сырники, обильно политые густой сметаной, заварной кофе из банки, сладкая булочка, похожая на сахарную плюшку, йогурт в стаканчике. Всё это лежит на аккуратных красивых белого цвета тарелках с замысловатым витиеватым рисунком из листьев, стеблей, лепестков. Столовые приборы, как в ресторане, уложены на широкие плотные салфетки, ножи обязательно лезвием к тарелке. В крохотное окошко, сквозь начищенные до блеска стёкла, удерживаемые деревянными рамами, видна часть улицы, по которой уже активно передвигаются машины, спешат по своим делам люди. Пора присоединиться к уличной суете и нашим героям, ведь впереди дорога на Кострому, дорога не ближняя.

Перед выездом из города заправка «Газпрома» синет рекламным щитом, установленным словно ракета на космодроме «Байконур» перед стартом. По борту «ракеты» расположены буквы и цифры, нанесённые красной краской, будто отметки высоты. «АИ-92 — 42,19 руб., АИ-95 — 44,51 руб., АИ-98 — 48,17 руб., дизельное

топливо — 45,24 руб.» — гласит понятный всем окружающим шифр. За «Газпромом» далее по трассе деревня, с маленькими домиками из деревянного бруса, аккуратными, правильной формы, огородами, очерченными невысоким забором и коконом висящего над ними, да и над всей деревней, запаха навоза, стойкого, терпкого, раздражающего обоняние. Василий по дороге машиной прорезает этот кокон, а затем, вывернув руль по часовой стрелке, прячется от него за строй дышащих летом берёзок, изогнувшихся вместе с поворотом трассы.

— Па... ма... — подаёт голос с заднего сиденья Антон, глядя на мелькающие за стеклом берёзы, — а, допустим, в той же Канаде растут берёзы? Вроде как долгота та же самая, но я никогда не слышал про канадскую берёзу. Про русскую сколько угодно, а про канадскую — нет.

— Широта... — поправляет его отец.

— «Белая берёза под моим окном принакрылась снегом, точно серебром...» — начинает декламировать Ирина известные ещё со школьной скамьи строчки.

Она сидит по правую руку от мужа на переднем сиденье и следит за дорогой, проложенной навигатором на планшете, который держит на коленях.

— Любимая, — обращается к ней Василий, крепко, до белизны в косточках, сжимая руками руль и пристально глядя в подол холма, с которого ведёт трасса и съезжает их «Степвей», — это тоже про русскую берёзу.

Затем, немного помолчав, добавляет:

— В литературе я не сталкивался с канадской берёзой. Думаю, если бы мы были канадцами, тогда мы бы не слышали о русской берёзе — у нас канадская была бы. А так — и в Канаде, уверен, тоже растут берёзы.

И, ещё сделав паузу, будто выждав чего-то, наш водитель продолжает:

— А из стихотворений про русскую берёзу мне нравится вот это, — и он начинает с выражением декламировать: — «Я — патриот. Я воздух русский, я землю русскую люблю...»

— Где ж тут про берёзу-то? — опять подаёт голос Антон с заднего сиденья, перебивая отца.

— Подожди, не мешай, — осаживает его Ирина.

А Василий продолжает декламировать, уверенно ведя машину по изгибам трассы, что уже пролегает, словно линией карандаша на эскизе, по смешанному лесу:

— «...Чтоб так пахнуло на рассвете, чтоб дымный ветер на песках... И где ещё найдёшь такие берёзы, как в моём краю! — при этих строчках Василий поднимает указательный палец вверх: дескать, вот они, берёзы-то.— Я б сдох, как пёс, от ностальгии в любом кокосовом раю».

В салоне машины после этих строк повисает тишина. Будто бы все действующие лица нашей истории переосмысливают произнесённое вслух отцом семейства четверостишие. Мотор гудит одним звуком, меняя тон и высоту при нажатии на педаль газа. Резина шуршит об асфальтовое покрытие дороги. «Впереди камера, на девяносто»,— услужливо предупреждает навигатор женским электронным слегка звенящим голосом.

Если дорога долгая, то и разговор рваный. Он больше походит на море, точнее, морские волны. Слова то замирают, то с новой силой обрушиваются на собеседников. Мысли преобразуются во что-то материальное, и это что-то будто бы можно пощупать, потрогать руками — настолько оно объёмно и навязчиво висит в салоне. Когда вновь появляются слова, то мысли, одолевающие голову, в страхе, в испуге прячутся, забившись, словно мышка, в самый дальний угол, и сидят там тихонько, пока слова не кончатся и не наступит тот момент, когда вновь можно будет вылезти из своего укрытия, расправить крылья и мечтательно либо горделиво повиснуть над салоном.

— Я всё-таки думаю, что берёза — это народное дерево,— опять прерывает тишину Антон.

— Что значит — народное? — задаёт вопрос Ирина, повернув к сыну голову.

— Ну вот смотрите,— обращается Антон к родителям.

В это время Василий внимательно наблюдает за дорогой и думает: «Что там сыну ещё в голову пришло?» А пришло ему вот что:

— Какое количество стихотворений, очерков посвящено русской берёзе, тут и про «белую берёзу...», и про «берёзку стройную обнять...», а вот, пап, ты стихотворение читал...

— Читал,— подбадривает сына, слегка кивая головой, Василий.

— Его кто написал?

— Его-то? — растягивая слова, начинает отвечать отец.— Его-то написал Коган Павел Давыдович.

— А он кто был?

— В каком плане — кто?

— Ну, по убеждениям он кто был?

— Он-то? Он в этом же стихотворении и отвечает, кто он такой,— и наш водитель принимается опять декламировать: — «Есть в наших днях такая точность, что мальчики иных веков, наверно, будут плакать ночью о времени большевиков...» Большевиком он себя считал,— уточняет Василий, после того как заканчивает четверостишие.

— Вот,— подражая отцу, растягивает слова Антон.— А, к примеру, Есенин?

— А что Есенин? — вступает в разговор со своего места Ирина.— Есенин тоже очень много стихотворений посвящал русской берёзе, да и природе в целом.

— Точно,— азартно продолжает вести нить разговора с заднего сиденья Антон.— А был народным поэтом!

— И не только народным,— продолжает давать уточнения из-за руля Василий.— Он писал: «Мать моя — родина, я — большевик».

— Вот я и говорю,— соглашается сын с отцом,— что народным поэтом Есенин был!

Выдержав театральную паузу, Антон продолжал декламировать, словно проводя виртуальную экскурсию:

— А теперь зайдём в любой парк, раскинувшийся у какой-либо усадьбы. Что мы там увидим? Какие деревья?

— Ну, какие? — практически хором поддерживают сына родители.

— Дубы посажены, липы... А каким деревом любовался князь Андрей Болконский в небезызвестном вам романе «Война и мир»? В школе все наизусть отрывок такой учили... Опять же — дубом любовался. Так вот я и думаю, что берёзы всё-таки народные деревья, а дубы, липы там — аристократические!

«Ну Антон даёт»,— промелькнула мысль у Василия после умственных заключений сына.

— И что? Ты предлагаешь все дубы и липы выкорчевать? — смотрит отец на своего отпрыска через зеркало заднего вида.

— Нет! — отрицательно качает головой Антон, даже чересчур яростно, чем того требует ситуация. — Ни в коем случае! Дубы и липы — тоже ценные деревья, но взоры народа всё-таки останавливаются чаще не на них. Берёза — более народное дерево, и она словно невесточка простому русскому человеку...

— Осторожно! — прерывая сына, Ирина криком пытается предупредить мужа об опасности.

Василий успеваёт резко рвануть руль влево, а затем вернуть машину в полосу. В условиях движения по не столь оживлённой трассе лесную живность — птиц, ёжиков, зайцев — почему-то всё время тянет на дорогу. При приближении машины птицы успевают улететь с полотна, ёжики и зайцы — убежать, но во всех правилах бывают исключения. Так случилось и на этот раз. Василий и Ирина, да и Антон краем глаза, видели сидевшую на их полосе дороги птичку-невеличку. Пернатое создание вело себя крайне беспечно. Оно нахохлилось, распушив своё серое оперение, и чего-то ждало. Птичка не стала улетать даже тогда, когда колёса машины оказались в опасной от неё близости. Слава Богу, что водитель внимательно смотрел на дорогу, несмотря на разговор, а жена его к тому же ещё и предупредить успела. Василий наблюдает теперь в зеркало заднего вида, как всё так же спокойно сидящая на дороге птица удаляется от машины, точнее, машина удаляется от неё.

— Раздавил? — беспокожно ёрзает Ирина на своём сиденье, после того как муж останавливает автомобиль на обочине и включает аварийную сигнализацию.

Датчики сигнала щёлкают: «тики-так, тики-так».

— Нет, — отрицательно качает головой отец семейства, отстёгивая ремень безопасности.

— А куда ты?

— Надо согнать с дороги, следом машины поедут — сшибут.

После салона лес на него дышит древесным ароматом и вздыхает шелестом листьев. Василий уверенным шагом

проходит эти несколько десятков метров до места происшествия, а птица продолжает сидеть на трассе, впившись в него своими чёрными глазами-бусинками. Она не хочет улетать и, кажется, понимает, зачем очутилась на асфальтовом полотне.

— Ты, дружок, приболел? — душевно, практически по-отечески обращается к ней Василий. — Но это не повод лезть крыльями под колёса, — рассудительно продолжает водитель. — Дай-ка я тебе помогу, — он начинает наступать, шаркая ногами, на «птичкины» позиции.

Невеличка жалобно на него глядит во все глаза: «Не прогоняй меня». Он ещё раз вглядывается в её бусинки, и опять крадущейся походкой приходят, словно новая волна прибоя, воспоминания...

...Детство. Вася стоит на узкой тропке, что пролегает между высокими деревянными частоколами палисадников, раскинувшихся с тыльной стороны кирпичных трёхэтажных домов. По левую и по правую руку буквально в метре от него высятся изгороди. В руках у мальчика палка, которая сейчас в его воображении играет роль автомата или ружья. Он солдат, солдат Великой Отечественной войны — защищает Родину от немецко-фашистских захватчиков. Вот такая детская игра. Игра прерывается, когда на ту же тропку из кустов вылезает собака, средних размеров, с грязно-белой, в желтизну, скомканной шерстью, измождённая, сухая, с потухшим взором. Она останавливается и внимательно смотрит на ребёнка, а затем пытается пробежать мимо, но Василий ещё от игры не отошёл. Он поднимает свой «автомат», направляет «дуло» на собаку и издаёт ртом звук, как ему кажется, более всего похожий на передёргивание затвора. Видимо, у собаки тоже есть воспоминания: четвероногий друг при этих действиях ребёнка останавливается как вкопанный, поджимает уши, поджимает хвост и издаёт жалобный скулящий звук, не отрывая просящего взгляда от «дула» «автомата».

«Дружочек... — вместе с неожиданно нахлынувшей ноющей болью где-то в груди и под ложечкой выдыхает Вася. — Ты чего?» Василию становится жалко собачку, и вместе с этим стыдно за свой поступок. «Это недостойно солдата».

«Дружочек, маленький,— продолжает причитать ребёнок,— я тебя не трону, пробегай»,— отстраняется он в сторону, сходя с тропки и вжимаясь в кустарник, что растёт плотной стеной перед частоколом.

Четвероногому другу того и надо. Он немедленно срывается с места и припускает наутёк, подальше от опасности...

...Василию до боли в груди было жаль собачку тогда и до боли в груди жаль птичку-невеличку сейчас. «Оставлю на дороге — проедут по ней колёсами, и будет темнеть в асфальт вдавленным пятнышком, которое после смоят дожди».

— Что ты на меня так смотришь, глупая? — с досадой произносит он вслух, обращаясь к пернатому созданию.— Я для блага твоего делаю, а ты тут с чемоданами посередине трассы расселась! — начинает он злиться то ли на себя, то ли на неё.

Наш водитель, потопывая громко ногами об асфальтированное покрытие, стогняет птичку на обочину. Та, нахохлившись, категорически не хочет улетать.

— Что ты? Лететь не хочешь? Или не можешь? Беги вот туда,— машет отец семейства по направлению к отдельно стоящей группе берёзок и, подражая сыну в только что прерванном происшествии разговоре, продолжает: — К невесточкам беги, они русский народ привечают, а уж живность лесную и подавно.

Как ни странно, словно услышав слова Василия, птичка сначала нехотя, а затем всё быстрее и быстрее бежит, смешно семеня лапками-веточками, по направлению к той самой группе берёз. «Всё они понимают. Всё».

— Умница! Чемоданы не растеряй! — то ли в шутку, то ли всерьёз кричит отец семейства ей вслед.

— Ну как? — спрашивает Ирина, когда муж садится обратно в машину, открыв дверь.

— К Антоновым невесточкам побежала,— отвечает, улыбаясь из-за того, что на душе стало на малую толику светлей, Василий,— спастись побежала!

— Они не только мои невесточки,— отзывается с заднего сиденья сын,— они всего русского народа невесточки.